

Глава первая

Магер, коридорный веймарской Гостиницы Слона, человек весьма начитанный, однажды в погожий сентябрьский день 1816 года пережил волнующее и радостное событие. Хотя, казалось бы, ничего из ряда вон выходящего не случилось, ему на мгновение все же почудилось, что он грезит.

В этот день около восьми утра с почтовым дилижансом из Готы, остановившимся у заслуженно известного заведения на Рыночной площади, прибыли три женщины, в которых на первый взгляд — да, пожалуй, и на второй — не было ничего особенного. Их отношения друг к другу определялись без труда. Это были мать, дочь и служанка. Магер, уже приготовившийся к приветственным поклонам, стоял у сводчатого входа и смотрел, как привратник высаживал двух первых из кареты, в то время как служанка, по имени Клерхен, прощалась с почтальоном, за долгий путь, как видно, пришедшимся ей по вкусу. Тот, искоса поглядывая на нее, улыбался — вероятно, при воспоминании о своеобразном наречии, на котором болтала путешественница, — и с насмешливым вниманием следил, как она, кокетливо изгибаясь и не без жеманства подбирая юбки, слезала с высоких ко-

6 зел. Вслед за тем он дернул шнур от болтавшегося у него за спиной почтового рожка и весьма выразительно затрубил на потеху мальчишкам да нескольким ранним прохожим.

Дамы все еще стояли спиной к подъезду, наблюдая, как отвязывают их скромный багаж. Магер, в своем черном, наглухо застегнутом фраке и высоком стоячем воротничке, повязанном линиялым галстуком, ждал, покуда, уверившись в сохранности своих пожитков, они не направились к двери. Тут он поспешил им навстречу, семена длинными ногами в узких обтягивающих панталонах, и склонился перед ними с видом заправского дипломата, причем на его сырного цвета лице, обрамленном рыжими бакенбардами, заиграла обязательнейшая улыбка.

— Здравствуйте, друг мой, — произнесла старшая из женщин, довольно полная дама лет под шестьдесят — не менее, в белом платье, с черной шалью, накинутой на плечи, в нитяных митенках и высоком чепце, из-под которого выбивались пепельно-серые вьющиеся волосы, некогда бывшие золотистыми. — Нам нужно помещение для троих; комната для меня и моей дочки (дочка тоже была не первой молодости, лет около тридцати, с каштановыми буклями и в платье с рюшем вокруг шеи, изящный носик матери повторился у нее более остро и резко очерченный) и комнатка неподалеку для нашей горничной. Можем ли мы на это рассчитывать?

Голубые, чуть выцветшие глаза старой женщины смотрели мимо Магера на фасад гостиницы.

Ее маленький рот на лице, уже немного по-старчески ожиревшем, двигался как-то особенно приятно. В юности она, вероятно, была прелестнее, нежели сейчас ее дочь. При взгляде на нее бросалось в глаза легкое дрожание головы, впрочем, больше походившее на подтверждение ее слов или торопливый призыв согласиться с ними, отчего оно казалось следствием не столько слабости, сколько живости характера или хотя бы того и другого в равной мере.

— Рад служить, — отвечал Магер, ведя мать и дочь к дому, в то время как горничная со шляпной картонкой в руках следовала за ними на почтительном расстоянии. — Правда, у нас, как всегда, множество постояльцев и вскоре нам, вероятно, придется отказывать даже весьма уважаемым особам, но все же, смею заверить, мы, не щадя своих сил, пойдем навстречу желаниям досточтимых путешественниц.

— Ну, вот и отлично, — заметила приезжая, обменявшись с дочерью живым и многозначительным взглядом по поводу столь красноречивой тирады, к тому же произнесенной с сильным тюринго-саксонским акцентом.

— Милости просим, пожалуйста, — говорил Магер, с поклонами пропуская их в дверь. — Приемная направо. Фрау Эльменрейх, хозяйка заведения, будет в восторге, — прошу пожаловать.

Фрау Эльменрейх, дама со стрелой в прическе, и пышным бюстом, обтянутым душегрейкой «по случаю близости входной двери», восседала среди перьев, песочниц, счетов, за стойкой, отделявшей

8 сводчатую приемную от сеней. Тут же рядом, возле высокой конторки, письмоводитель беседовал по-английски с господином в плаще, по-видимому владельцем нагроможденных у входа чемоданов. Хозяйка, флегматически взглянув скорее поверх приезжих, чем на них, ответила величавым кивком головы на приветствие старшей дамы и чуть намеченный книксен младшей. Затем внимательно выслушала переданные ей коридорным пожелания новоприбывших, достала вычерченный план и начала водить по нему кончиком карандаша.

— Двадцать седьмой, — постановила она, обращаясь к облаченному в зеленый фартук служителю, который стоял с вещами новых постояльцев. — Отдельную комнатку горничной я, к сожалению, предоставить не могу. Мамзели придется разделить помещение с камеристкой графини Лариш из Эрфурта. У нас сейчас много гостей с собственной прислугой.

Клерхен состроила гримаску за спиной своей госпожи, но та немедленно согласилась. «Как-нибудь стерпятся», — решила она и, распорядившись, чтобы в предоставленную ей комнату тотчас был перенесен ручной багаж, направилась к выходу.

— Еще минутку, сударыня! — воскликнул Магер. — Осмелюсь попросить вас об одной формальности. Дело в том, что мы имеем обыкновение всеми правдами и неправдами вымалывать себе две-три строчки. Этот докучный обычай заведен не нами, а Святой Германдадой, его же не преступишь. Законы и обычаи передаются из рода

в род, я бы сказал, как наследственная бо- 9
лезнь. Смеем ли мы надеяться на милость
и снисхождение?

Дама улыбнулась, снова взглянув на дочь,
и, едва сдерживая смех, покачала головой.

— Ну конечно! Я совсем упустила из виду. Что
положено, то положено. Он умный малый, как я
замечаю (она пользовалась обращением в третьем
лице, принятом во времена ее юности), начитан-
ный и просвещенный. — И, воротившись к столу,
она взялась тонкими пальцами своей полуприкры-
той руки за висевший на шнурке мелок, который
ей вручила хозяйка, и, все еще смеясь, склонилась
над доской с именами постояльцев.

Она писала медленно, постепенно переставая
смеяться, и только легкие, как вздохи, шаловли-
вые отголоски смеха еще свидетельствовали о ее
потухавшей веселости. Частое дрожание головы
стало при этом — может быть, вследствие неудоб-
ного положения — несколько более заметным.

На нее смотрели. С одной стороны — дочь,
подняв красивые ровные брови (она их унаследо-
вала от матери) и насмешливо поджав губки, за-
глядывала ей через плечо; с другой — на нее уста-
вился Магер, отчасти чтобы наблюдать, правильно
ли она заполняет отмеченные красным рубрики,
отчасти же из провинциального любопытства,
не чуждого злорадному удовлетворению, что вот
для кого-то пришло время, расставшись со всегда
благодарной ролью неизвестного, назвать и разоб-
лачить себя. По каким-то причинам письмоводи-
тель и английский путешественник прекратили

10 разговор и тоже наблюдали за склоненной женщиной, выведившей буквы с почти детской тщательностью.

Магер прочитал, прищурившись: «Вдова надворного советника Шарлотта Кестнер, рожденная Буфф, из Ганновера, последнее местопребывание — Гослар; родилась 11 января 1753 года в Вещларе. С дочерью и прислугой».

— Этого достаточно? — осведомилась надворная советница; и так как ей сразу не ответили, заключила сама: — Конечно, достаточно. — Она сделала энергичное движение, чтобы положить мелок на стол, позабыв, что он прикреплен к металлической подставке, и опрокинула ее.

— Какая неловкость! — воскликнула она, краснея, и снова быстро глянула на дочь; та насмешливо скривила рот и потупилась. — Ну, это дело поправимое, сейчас все будет в порядке. А теперь нам пора посмотреть комнату! — И советница поспешно двинулась к двери.

Дочь, горничная, Магер и плешивый привратник, нагруженный чемоданами и дорожными мешками, последовали за нею через сени к лестнице. Магер всю дорогу только и делал, что щурился, а в перерывах быстро-быстро мигал покрасневшими глазами и пустым взглядом уставлялся в пространство, открывая при этом рот с видом если не глуповатым, то мечтательно-задумчивым. На площадке второго этажа он заставил всех остановиться.

— Прощу прощения! — воскликнул он. — Умоляю великодушно простить, если мой вопрос —

это не просто неуместное любопытство... 11

Ужели мы имеем честь видеть в наших стенах госпожу надворную советницу Кестнер, мадам Шарлотту Кестнер, рожденную Буфф из Вецлара?..

— Да, это я, — с улыбкой подтвердила старая дама.

— Я имею в виду... прошу прощения... Неужто же речь идет о Шарлотте — короче, *Лотте Кестнер*, рожденной Буфф из Немецкого дома, Немецкого орденового дома в Вецларе, бывшей...

— Именно о ней, любезный. Но я совсем не бывшая, а вполне настоящая и очень бы хотела поскорей попасть в отведенную мне...

— Незамедлительно! — вскричал Магер и, наклонив голову, уже принял было позу бегущего человека, но вдруг остановился, словно приросши к месту, и всплеснул руками.

— Господи боже ты мой! — проговорил он с глубоким чувством. — Господи боже ты мой! Госпожа советница! Да простит меня госпожа советница за то, что мне не сразу удалось установить это тождество и обнять взором все открывающиеся перспективы... Ведь это, можно сказать... гром среди ясного неба. Значит, нашему дому выпала высокая честь и неоценимое счастье... принимать... настоящую... подлинную... прообраз, если дозволено так выразиться... Короче говоря, мне суждено... сейчас... перед Вертеровой Лоттой...

— Вы не ошиблись, друг мой, — со спокойным достоинством отвечала советница, попутно бросив строгий взгляд на хихикающую горничную. —

12 И если это послужит для вас лишним поводом поскорее проводить нас, усталых женщин, в нашу комнату, то я буду искренне рада.

— В мгновение ока! — крикнул Магер и припустился по лестнице. — Комната номер двадцать семь. Бог ты мой, ведь она на втором этаже! У нас, сударыня, удобные лестницы, как вы можете убедиться, но если бы мы знали... Несмотря на обилие гостей, без сомнения, нашлась бы... Во всяком случае, комната недурна, окна выходят на Рыночную площадь; надо думать, она придется по вкусу... В ней проживали недавно господин майор Эглоффштейн с супругой, приезжавшие с визитом к тетушке, обер-камергерше той же фамилии. В октябре тринадцатого года там останавливался генерал-адъютант его императорского высочества великого князя Константина. Это, так сказать, воспоминания исторические. Ах, боже ты мой, что я там болтаю об исторических воспоминаниях! Для чувствительного сердца они не могут идти ни в какое сравнение... Еще только несколько шагов, сударыня! От площадки несколько шагов вот по этому коридору. Все стены, как изволите видеть, свежевыбелены. После постоя донских казаков в тринадцатом году нам пришлось все тщательно отремонтировать: лестницы, комнаты, коридоры, гостиные. Последнее, на мой взгляд, было уже излишне. Насильственные сдвиги мировой истории принудили нас к этой мере; отсюда можно было бы извлечь мораль, что насилие временами способствует обновлению жизни. Я, конечно, не хочу всю заслугу побелки дома приписать одним каза-

кам. У нас стояли также прусские войска 13
и венгерские гусары, не говоря уже о фран-
цузях... Вот мы и у цели! Прошу пожаловать!

Он с поклоном распахнул дверь и пропустил их в комнату. Глаза женщин беглым испытующим взором окинули накрахмаленные занавеси на обоих окнах, в простенке между ними трюмо, не без тусклых пятен, две белые кровати с общим маленьким балдахином и прочее убранство. Гравированный ландшафт с античным храмом украшал собою одну из стен. Хорошо навощенный пол так и блестел чистотою.

— Очень мило, — решила советница.

— Мы почтем себя счастливыми, если уважаемым дамам придется здесь по вкусу. Когда что-нибудь понадобится, вот сонетка. О горячей воде я, разумеется, позабочусь. Мы назовем себя счастливейшими из смертных, если угодим госпоже советнице.

— Ну конечно же, голубчик. Мы простые люди и не избалованы. Спасибо, любезный, — обратилась она к привратнику, который снимал с плеча и складывал в угол багаж приезжих. — Спасибо и вам, мой друг, — и она отпустила Магера кивком головы. — Мы всем ублажены и довольны и теперь хотели бы только немного...

Но Магер стоял как вкопанный, молитвенно скрестив руки и вперившись своими красноватыми глазами в лицо старой дамы.

— Великий Боже! — произнес он. — Госпожа советница! Какое достойное увековечения событие! Госпожа советница, должно быть, и понять

14 не может чувств человека, на которого нежданно-негаданно свалился подобный казус со всеми его волнующими перспективами... Госпожа советница уже настолько привыкла к своему, так сказать, священному для нас тождеству, что принимает его легко и буднично и не может понять, что происходит с чувствительной душой, с юных лет приверженной литературе, при знакомстве, прошу прощения, — при встрече с особой, озаренной, если можно так выразиться, лучами поэзии и как бы взнесенной огненными руками к небесам вечной славы...

— Вот что, мой друг, — с улыбкой остановила его советница, хотя дрожание ее головы при словах коридорного усилилось, как бы служа им подтверждением. (Горничная, стоя позади нее, с веселым любопытством разглядывала его почти до слез растроганное лицо, а дочь с показным равнодушием занималась в глубине комнаты раскладкой вещей.) — Друг мой, я простая женщина, без претензий, человек такой же, как все; у вас же столь необычная, высокопарная манера выражаться...

— Мое имя Магер, — пояснительно вставил коридорный. Он выговаривал «Маахер» на своем мягком средненемецком наречии, и в этом звуке было что-то молящее и трогательное. — Я, если это звучит не слишком самонадеянно, являюсь фактотумом этого дома, — что называется, правой рукой фрау Эльменрейх, хозяйки гостиницы. Она вдовствует уже много лет. Господин Эльменрейх, к несчастью, еще в 1806 году пал жертвой событий при трагических обстоятельствах, о ко-

торых здесь неуместно распространяться. 15

В моей должности, госпожа советница, да еще во времена, которые суждено было пережить нашему городу, соприкасаешься со множеством людей; мимо нас проходит немало примечательных лиц, примечательных по своему рождению или заслугам, так что невольно перестаешь уже так пылко относиться к соприкосновению с высокопоставленными, причастными к мировой истории особами и носителями влиятельных, волнующих воображение имен. Это так, госпожа советница! Но профессиональная избалованность и черствость — куда они подевались? Во всю мою жизнь, признаюсь откровенно, мне не выпадало встречи, так взбудоражившей мне душу и сердце, как сегодняшняя, поистине достойная увековечения. Мне, как и многим людям, было известно, что почтеннейшая женщина, прототип того вечно милого образа, продолжает здравствовать, и именно в городе Ганновере. Теперь я окончательно убежден, что знал это. Но мое знание не имело реальной основы, и мне никогда не приходила в голову возможность оказаться лицом к лицу со священным для нас созданием. Я и мечтать об этом не смел! Когда я проснулся нынешним утром, — всего несколько часов назад, — я был убежден, что мне предстоит день, как сотни других, заурядный день, исполненный обычных хлопот в конторе и у стола. Моя жена — ибо я женат, госпожа советница, — мадам Магер, моя жена, которая возглавляет здесь кухню, может засвидетельствовать, что я не чаял никаких необыкновенных событий. Я был